

Дмитрий Александрович Пригов — «Газете»

«Я живу в еще не существующем времени»

В субботу будет отмечать свой шестидесятипятый юбилей Дмитрий Александрович Пригов — универсальный деятель культуры, поэт, прозаик, художник, мастер инсталляций и перформанса, мыслитель — одна из главных фигур направления, известного как московский концептуализм. Соображениями о собственном творчестве Пригов поделился с корреспондентом «Газеты» Кириллом Решетниковым.

Вы всегда говорили, что для вас важно количество стихотворений: сколько написано и сколько еще нужно написать. Вы по-прежнему ведете подсчеты и выполняете план?

Нумерическая составляющая моего проекта сохраняется. Теперь мой проект называется «Идеальный поэт». Есть расчет, что если, скажем, человек живет сто лет и каждый день пишет по стихотворению, начиная с первого дня жизни, то он напишет тридцать шесть тысяч пятьсот двадцать пять стихотворений с учетом двадцати пяти високосных дней. Мой следующий нумерический проект и заключается в достижении этого числа. Сейчас у меня написано где-то тридцать пять тысяч.

Ваше творчество стопроцентно русское, но при этом максимально открыто для западного восприятия. Мне кажется, что многие ваши стихи лучше поддаются переводу, чем написанное другими русскими поэтами. Вы ощущаете себя европейцем?

Если говорить о европейской культуре, включая англоязычную, то нужно иметь в виду, что там давно вычленена некая отдельная зона, где существуют интернациональные художники и поэты. Они гораздо более известны в других странах, чем у себя на родине, потому что в пределах своей страны они не вписываются в национальный проект. Что касается переводимости моих текстов, то это правильно. Они хорошо переводятся за счет обедненного словаря — он интеллектуально-философский, общий для разных языков — и рациональной структуры, которая в большей степени соответствует нынешнему умонастроению всех европейских пишущих людей.

А какие у вас впечатления от переводов?

Я их не читаю. Даже когда читаешь стихи по-русски, то думаешь, что все-таки до конца не понял, а когда на чужом языке — понимаешь только смысл, но не стихотворение.

Кстати, опыт жизни за границей вам много дал?

Понимаете, я с жизнью-то дела не имею. Я имею дело с жизнью, препарированной в поп-тексты, в тексты идеологические. Если мне что-то и дало пребывание за границей, то это понимание того, каким способом тамшняя реальность переводится в поп-тексты, с которыми

Показывает и говорит

Дмитрий Александрович Пригов родился в Москве, учился на скульптурном отделении Московского высшего художественно-промышленного училища. Член Союза художников СССР с 1975 года, с 1990 года — член Союза писателей того же государства. Пишет стихи с 1956-го, в 1970–1980-е печатался за рубежом. Свои тексты исполнял в буффонадной, временами экзальтированной манере, за что в 1986-м был направлен на принудительное лечение в психиатрическую клинику, откуда его скоро освободили благодаря протестам деятелей культуры. На родине начал публиковаться только в 1989 году. Издал более десятка стихотворных сборников, несколько книг прозы: романы «Живите в Москве. Рукопись на правах романа», 2000, «Только моя Япония», 2001, сборник интервью «Говорит Д.А. Пригов», 2001.

я потом работаю. Мне помогает визуальная составляющая моего творчества — зримые объекты не требуют перевода, поэтому они мне понятны. Что же касается зарубежной литературы, то она для меня закрыта. Я, конечно, могу ее читать, но понимаю лишь на самом общем, антропологическом уровне — не больше.

Тогда вернемся к русской теме. В свое время вы стали по-особому использовать русские отчества, это превратилось у вас в художественный прием, в важную часть образа. Как возникла эта идея?

Случайно, под влиянием художника Федора Васильевича Семенова-Амурского. Он давно умер, я с ним был знаком в юном возрасте. Он говорил: «Знаете, в наше время Димой, Колей или Васей звали только кучеров, а супруги, например, до старости называли друг друга по имени и отчеству». И он всех так называл — конечно, в узком кругу. Но эта формула мне показалась очень удачной. Получался псевдоним, находящийся на микроскопическом расстоянии от реального имени. И такая близость, дезориентировавшая людей, мне очень нравилась. «Дмитрий Александрович Пригов» — это было одновременно и моим именем, и моим псевдонимом, и названием большого проекта. В своем

кругу я не встречал никого другого, кто бы обзывал по имени и отчеству всех окружающих, включая маленьких детей и кошек. У кошки же есть имя и есть хозяин — значит, и отчество есть. Когда я называл именем и отчеством себя, все воспринимали это как прикол: молодой парень приходит и представляется Дмитрием Александровичем.

Некоторые заслуженные люди и по сей день воспринимают ваши вещи как что-то несерьезное и нарочито вызывающее, а вас — как неизвестно откуда взявшегося циника, осквернителя святынь. И это при том, что вы продолжаете большую традицию и существуете в литературе так же давно, как и они сами, а кто-то из них даже младше вас...

В наше время культурный возраст и биологический друг с другом разведены. В России в отличие от Запада одни времена не отменяют другие, они существуют как слоеный пирог. Можно жить во времени Пушкина — в нем живет огромное количество людей, можно жить во времени Блока или футуристов. Все зависит от того, из какого времени на тебя глядят. Сейчас, как я вижу, в изобразительном искусстве нарастает еще одно время, следующее за мной, для которого я уже фигура вре-

мени прошедшего. Но для 99% тех, кто живет в разных исторических временах, я живу в еще не существующем времени.

Вы создали огромное количество самописаний и комментариев. Как такой автор, как вы, реагирует на чужие исследования о себе?

Я всегда принадлежал к концептуалистической школе — она, как вы знаете, в основном связана с изобразительным искусством, а не с литературой. Это направление не только в России, но и во всем мире отличалось большой степенью отрефлектированности — все писали теоретические тексты, это входило в поэтику. Но в контексте русской поэзии присутствие поэтического жеста, объяснений, неожиданных отступлений внутри стихотворения, насыщенных терминами, всегда вызывало странную реакцию. Что вообще-то и было целью. А чужие исследования оперировали только текстом, не рассматривая ни жеста, ни модели поведения. То есть социальное поведение они во внимание принимали — это, скажем, богема, пьянка, кому-то морду набил. А культурно-эстетическое поведение, которое совсем необязательно внешне афишировано, они не отслеживали. Все академические, литературоведческие писания обо

мне — они как бы такие... плоские, в них текст воспринимался как единственное, что у меня есть. Поэтому из написанного про меня мне гораздо больше нравились статьи искусствоведов — например, Бориса Гройса. Из того, что написано в последнее время, — статья питерского лингвиста Людмилы Зубовой. Если мои тексты поддаются трактовке и что-то значат — замечательно. Это как конский навоз, который для людей вдруг оказывается удобрением, что для лошади, может быть, тоже приятно.

Что побудило вас обратиться к большой прозе?

Проза включена в мой проект, она является его частью. Я начал писать первый роман в 1997 году и закончил в 1999-м. У меня был свой опыт, свои способы развертывания текста, использованные в моих предудеждениях (особый жанр, изобретенный Приговым. — «Газета») и в моих ранних писаниях, которые назывались «СОВ'Ы». Это были советские рассказы, краткие мифологические истории, например про Сталина, про Вучетича, как он скульптуру Сталина лепил... Исходя из этого я понял, как мне говорить, а потом возник такой проект — испытание трех типов европейского искреннего письма: мемуары, записки путешественника и исповедь. Ну вот я и написал мемуары — это роман «Живите в Москве», записки путешественника — «Только моя Япония». Исповедь — называется «Неподсудный» — пока еще не написал, я ее долго пишу, у меня тут как раз сперли лэптоп вместе с написанным — в Лондоне, из открытого окна на втором этаже, лето было, окна не закрывали... И там был еще второй роман — «Катя Китайская», основанный на опыте моей жены, биография девочки из эмигрантской семьи, полурусской-полуангличанки, выросшей в Китае. Это ее воспоминания, и параллельно им — ее возвращение в постсталинскую Россию, куда она едет на поезде.

А «Ренат и Дракон» как сюда вписывается?

Это возникло несколько отдельно, как испытание нынешнего типа письма: фэнтези, якобы сайенс-фикшн, якобы чернуха — была идея все модное впахнуть в один роман. Но с интонацией искреннего, серьезного классического повествования. По принципу «энциклопедия русской жизни».

Как же все-таки быть с утраченными романами?

Их надо заново писать; а может быть, и не надо. У меня сейчас проблема — пытаться их восстановить или плюнуть, считать, что они написаны. Когда я только начинал писать стихи, в 1960-х, я решил, что надо написать тысячу, чтобы понять, что это такое и стоит ли этим заниматься. Я писал в большой амбарной книге, написал в ней где-то стихотворений семсот и потом ее где-то забыл. И у меня была проблема — включать ли потерянное в тысячу или заново тысячу писать. Тогда я написал новую тысячу. А сейчас я пока еще не знаю, как решу.

Пригов. Дмитрий Александрович

413